

А. Ф. Вельтман. Не дом, а игрушечка

Не дом, а игрушечка! Печатается по изданию: Вельтман Александр.
Повести и рассказы. М.: Советская Россия, 1979.
Электронная версия: Pirat

I

Мы, люди, вообще многого не знаем, многого не видим, что около нас делается, не ведаем всего, что на свете есть и чего нет. Такова, верно, природа людей; в этом-то, может быть, и заключается сущность вела: видеть и в то же время не видеть, знать и в то же время не знать. Например, все знают, что Москва сторела во время нашествия французов; а кто знает, что сторело в ней кроме домов и кроме имущества жителей? Москва отстроилась напоказ, на славу, стала великолепнее и в то же время грустнее, скучнее, - точно как будто внутренний свет, эта беззаботная веселость духа вылилась наружу и оставила сердце в потемках. - Что ему там делать? - Сидит себе ни гугу. Отчего это? - Оттого, что кроме зданий и имущества погорели в Москве старинные домовые.

Как это ни странно кажется теперь, но в старину было правдой. Старинный дедушка-домовой был не призрак, не привидение, не гороховое пугало, а вот что: как говорится, во время оно каждый родоначальник, укореняясь на новоселье, с каждым новым поколением принимал почетные звания отца, деда, прадеда, прапрадеда, все жил да жил и рос в землю; год от году все меньше и меньше и наконец хоть снова в колыбельку. Дадут ему с ложечки молочка, он и заснет спокойно; а вся семья ходит на цыпочках, чтоб не потревожить дедушкина дедушку. Достигнув до возраста семимесячного ребеночка, дедушка, проснувшись в последний раз, среди белого дня говорил: "Детушки, и на печке стало мне холодно, оденьте-ка меня в белый балахончик, окутайте да уложите в печурочку. Я сосну, а вы себе живите да поживайте, не заботьтесь обо мне, а поминать поминайте: пищи мне не нужно, только в сорочины блинков напеките да крещенской водицы поставьте. Белого дня мне уже не вынести, а придет иное время - проснусь в ночку, посмотрю, сладок ли сон ваш. Мирно все будет, и я буду мирен; а как постучу, так смотрите, оглядывайтесь, помните, что дедушка стучит недаром. Ну, вот вам последнее слово:

держите совет и любовь".

Боясь дедушки-домового, все от старого до малого свято исполняли его последнее слово. Им в семье хранился мир: жили к старшим послушно, с равными дружно, с младшими строго и милостиво. Ладно и весело на сердце. А чуть что не так, дедушка стукнет, все смолкнут, оглянутся - дедушка, дескать, стучит недаром. Стерегись.

Бывало, деревянный дом, а стоит-стоит - и веку нет; стены напитаются человеческим духом, окаменеют; вся крыша прорастет мохом - гниль не берет.

То были времена, а теперь другие: и теперь есть домовой - да внутри нас; тоже заголосит подчас, да про глухого тетерева.

Вот в чем беда.

До нашествия французов много было еще таких домов, со старинными домовыми, а после того, сколько мне, по крайней мере, известно, только два, по соседству, рядышком.

Старинные дома были как-то не то, что теперешние. Старинные дома были гораздо хуже, и сравнения нет, да в старинных домах были такие теплые углы, такие ловкие, удобные, насиженные места, что сядешь - и не хочется встать. Про печки и говорить нечего: печки были как избушки на курьих ножках, с припечками, с печурками, с лежанками; и на печке, и за печкой, и под печкой - везде житье, а теплынь-теплынь какая! И домовому был уют.

То были времена, а теперь другие. Бывало, все в полночь спит мертвым сном. Не спалось, бывало, только тому, чей день был грешен. Зато он и наберется страху от грозы домового, заклянется от греха: век, говорит, не буду! И теперь тоже говорят: век не буду, да по пословице - "день мой, век мой" - с наступлением зари нового века принимаются за старые грехи, а пугнуть некому: